

— Убери руку с моего одеяла! — Чу Цзяэнь сдержал гнев и произнес.

Цинь Син не шелохнулся, а только сильнее надавил на одеяло.

— Цзо Сюань в течение трех месяцев после твоего замужества часто посещал клуб «Ханьфу Минмэнь», заходил вечером и выходил только на следующий день в полдень. Мои люди каждый раз фиксировали это. Хочешь, чтобы я рассказал подробнее?

Чу Цзяэнь уже начал сопротивляться, но сила была не на его стороне. Цинь Син крепко держал его, лишая последней надежды на спасение.

Он был как рыба, выброшенная на берег, и Цинь Син был тем охотником, который отрезал ему путь к спасению.

— Цинь Син, я знаю, что Цзо Сюань — не человек, но ты еще хуже!

— Я? — Мужчина, которого сравнили с Цзо Сюанем, наконец разозлился. Он резко поднялся и навис над Чу Цзяэнем.

Чу Цзяэнь попытался ударить его, но Цинь Син схватил его тонкие запястья и прижал к кровати по обе стороны от ушей.

— С чем он может сравниться со мной? Во-первых, я выше него и красивее, во-вторых, я богаче. А самое главное — я люблю тебя. Я люблю тебя чище и искреннее, чем он.

Чу Цзяэнь, неожиданно услышав признание, содрогнулся:

— Ты с ума сошел?

Дыхание мужчины было горячим и учащенным, оно ударяло ему в лицо, а затем он наклонился еще ближе, к самому уху:

— В день твоего пятнадцатилетия у тебя была высокая температура, и я нес тебя на спине...

— Цинь Син!

Чу Цзяэнь, словно тронутый за живое, замер. Это было начало его симпатии к первой любви и одно из самых драгоценных воспоминаний в его жизни.

На пятнадцатый день рождения он провел в лихорадке. С детства он был слаб и болен, и семья относилась к нему, как к мальчику, очень строго.

Чу Цзяэнь старался не признаваться, что снова заболел, и держался до тех пор, пока не потерял сознание на вечеринке.

Перед тем как закрыть глаза, он стоял рядом с Цзо Сюанем и они обсуждали спектакль, который смотрели в прошлый раз.

Потом он потерял сознание, и в полубреду кто-то звал имя Цзо Сюаня, а он чувствовал, как его поднимают и несут с огромной скоростью...

Позже он прошел дифференциацию в Омегу, и Цзо Сюань был первым, кого он увидел, открыв глаза. Тот взял его за руку и признался в любви, и Чу Цзяэнь согласился.

Он с силой оттолкнул Цинь Сина:

— Хватит меня тошнить! Я не хочу слышать, чтобы ты упоминал эти вещи!

Мужчина мгновенно замер, затем резко включил верхний свет. Ослепительно-белый свет заставил покрасневшие от слез глаза Чу Цзяэня заболеть.

Он серьезно посмотрел на Чу Цзяэня, снова и снова спрашивая:

— Тебя это тошнит?

В тот год его пригласили на день рождения Чу Цзяэня, и он сидел в углу, завистливо и холодно наблюдая за сияющим, но с плохим цветом лица именинником, который общался с друзьями и одноклассниками.

Из-за своего асоциального характера Цинь Син был как остров, на который никто не ступал. Он заметил Чу Цзяэня, потому что тот всегда был в центре внимания, будь то в школе или на семейных собраниях.

Позже именинник потерял сознание, и он увидел, как Цзо Сюань, стоявший рядом, словно боясь взять на себя ответственность, убежал, даже споткнувшись в спешке.

Цинь Син, словно боясь, что яркая звезда угаснет, бросился вперед и поднял пятнадцатилетнего Чу Цзяэня на руки. Поскольку он всегда был один, окружающие дети не осмеливались забрать человека у него из рук.

Позже его родная мать погибла в аварии, и Цинь Чэн был слишком занят, чтобы обращать внимание на остальное. Когда он наконец нашел время, чтобы найти ту «звезду», которую спас, Чу Цзяэнь уже был парой с Цзо Сюанем.

Теперь это воспоминание считалось Чу Цзяэнем постыдным, и он даже счел это отвратительным. Цинь Син почувствовал себя глубоко раненым, это было гораздо больнее, чем когда Чу Цзяэнь разбил ему лоб пепельницей в прошлый раз.

Лицо Чу Цзяэня дрогнуло, мужчина резко откинулся, встал с кровати, вышел из спальни и большими шагами ушел, больше не возвращаясь.

Чу Цзяэнь на кровати медленно набрал в глазах слезы. Ему нужно было навсегда попрощаться с прошлым.

Грохот двери, когда Цинь Син вышел из спальни, напугал соседа, Жун Сяобэя, который лежал под одеялом, высунув только голову, и боялся выключить свет.

Он в сердцах мысленно рубил Цинь Чэна на куски снова и снова — та проклятая история о велосипеде напугала его до такой степени, что он не мог уснуть!

У других хоть была компания, они спали по двое, и был собеседник, а Жун Сяобэй спал один в большой спальне, и пустота только усиливала его страх, особенно после только что прозвучавшего оглушительного хлопка дверью.

Больше всего он боялся, что сейчас захочет в туалет. Жун Сяобэй метался между страхом покинуть одеяло и опасением, что сейчас же описается, если не пойдет, как вдруг зазвонил телефон на подушке.

Он судорожно схватил его перед глазами. Ин Ихан, с которым он добавил в WeChat только сегодня по возвращении домой, почему-то звонил ему в такое время! Это было страшно до смерти!

Но хорошо, что есть человек, с которым можно поговорить и облегчить внутренний страх. Жун Сяобэй надул губы и провел пальцем по зеленой кнопке.

— Сяобэй? — Мужской голос на том конце был немного хриплым.

Маленькая пушка, услышав, как ее называют, вздрогнула и неестественно произнесла:

— ...Почему ты не зовешь меня Дабао?

Там, к его удивлению, действительно глупо и пробно окликнули его Дабао.

Жун Сяобэй ничуть не был с ним вежлив:

— К черту!

Из телефона было слышно, как Ин Ихан тихо рассмеялся, а у Жун Сяобэя от этого желание в туалет стало еще сильнее, его мочевой пузырь вот-вот взорвется. К тому же, теперь, когда был еще один человек «рядом», Жун Сяобэй отбросил одеяло и босиком спустился с кровати.

Ин Ихан на том конце телефона перестал смеяться:

— Сяобэй, Сяобэй?

Жун Сяобэй в ванной предался «освобождению».

— Сяобэй? Почему ты снова меня игнорируешь?

Жун Сяобэй вернулся из ванной в кровать, а Ин Ихан там продолжал говорить без умолку:

— Завтра вечером обещан метеоритный дождь, его можно будет увидеть с горы Лаодао. Хочешь посмотреть на метеорный дождь?

Жун Сяобэй стоял на коленях у кровати, кошачий хвост болтался из стороны в сторону. На самом деле он уже был заинтересован, но вспомнив, что чуть не погиб там в прошлый раз, он почувствовал сильный страх.

— Посмотрим.

Ин Ихан на том конце замолчал на мгновение, затем внезапно спросил:

— Ты только что был в туалете?

— !! — Жун Сяобэй испуганно поднял голову и оглядел потолок и стены вокруг.

— Ты-ты-ты, ты установил скрытую камеру в моей комнате?!

— Только что ты ответил на мой звонок так быстро, а сейчас, сходя в туалет, собрался просто так бросить трубку? Сяобэй, это называется «убить осла после того, как он смолот муку».

— Ин Ихан, ты, должно быть, дьявол!

...

На следующее утро место рядом с Чу Цзяэнем было пустым. Жун Юй разогрел молоко, сел и, глядя на его пустой взгляд и пустое соседнее место, спросил соседа:

— Цинь Син не завтракает?

Сидящий рядом Цинь Чэн мог счестся сияющим: лицо румяное, вид победоносный. Сегодня он проснулся в объятиях Жун Юя, всю ночь ему снились хорошие сны — и все это заслуга той истории про призраков, которую он придумал вчера.

После того как Жун Юй заговорил, он бросил взгляд на Чу Цзяэня и сразу понял — эти двое врагов опять поссорились вчера.

Вдохновленный идеальным эффектом вчерашней истории, господин Цинь, будучи в хорошем настроении, решил помочь своему деревянному брату.

— Он не завтракает, сейчас, наверное, ищет какую-нибудь любовницу, веселится.

Как только эти слова слетели с его губ, три омеги за столом были шокированы.

Лицо Чу Цзяэня стало предельно жестким, и в итоге он не смог сдержать эмоции, тихо положил ложку и отодвинул стул.

— Я поел, кушайте сами не спеша.

Смотря на печальную спину уходящего холодного красавца, Жун Юй нахмурил личико:

— Что делать? Я, наверное, не должен был спрашивать только что?

Мужчина кормил его с ложки красной фасолью:

— Нет, ты спросил как раз вовремя.

Услышав это, Жун Юй стал еще более озабоченным:

— Правда? Цинь Син действительно... пошел... искать свою...

Господин Цинь, невольно очернив своего родного брата, презрительно усмехнулся:

— Пошел к какой любовнице? Он деревяшка, даже если бы у него на теле расцвели цветы, он бы не стал искать этих людей.

— Тогда зачем ты так говоришь? Цзяэню будет очень больно это слышать.

Господин Цинь цокнул языком:

— Не понимаешь, малыш? Это называется провокацией. Если ты хочешь, чтобы эти двое врагов скорее помирились, нужно использовать именно этот ход.

Жун Юй кивнул, ничего не понимая, а его рот снова был накормлен мужчиной ложкой каши.

Сидящий рядом с чашкой каши Жун Сяобэй чувствовал безысходность от простоты своего брата и одновременно очень сомневался в том, что старший брат Цинь, который вроде бы все

понимает, действительно так хорош.

— Хм, ты говоришь так уверенно, неужели у тебя самого на стороне куча всяких ненужных людей?

Наивный Жун Юй тут же напрягся и уставился на Цинь Чэна, который кормил его кашей.

Мужчина на мгновение замер, положил ложку, обхватил Жун Юя и притянул к себе, притворно улыбаясь глядя на шурина, которого если не пороть три дня, тот и на печь полезет.

— Такие точно есть.

— !!!

Жун Юй так испугался, что у него тут же вылезли ушки.

<http://bllate.org/book/16806/1545474>